

«Кровь моя холодна.

Холод её лютей

реки, промёрзшей до дна».

Когда в камине трескуче горят дрова, превращаясь в угли, Бай Лао вспоминает тот день. Не тот, когда он потерял людей, почему-то звавшихся его семьёй. Но тот, в который на место одного человека пришёл другой.

«...когда княжеский клинок обретёт свою мощь...»

Он подбрасывает щепки в огонь. И эти щепки – он сам.

Когда за окном гремит гроза, Бай Лао касается левого плеча. Спустя сотни лет, оно уже не болит, но узорчатый цветок всё так же ярко горит напоминанием его постыдного предательства.

Когда ветер распахивает окна, и серьга в его левом ухе мерно раскачивается, он оборачивается, но не слышит звона золотых пластин и цепочек – лишь дрожь стеклянных пузырьков на самой дальней полке.

«...зажги благовония. вернусь, не успеет и палочка прогореть...»

И он зажигает. Но сколько их успеет прогореть за тысячу лет?

Когда падает снег, он падает на колени.

«...высочайше дозволяется умереть...»

- Я отказываюсь, слышишь? – Шепчет он, вглядываясь в танец огненных языков. – Пусть пройдёт тысяча лет, я буду ждать тебя. Ждать, когда ты придёшь и убьёшь меня сам. Слышишь?

Пламя взрывается искрами.

Вдалеке бушует гроза.

Звучит золотой перезвон.

- Слышу.

<http://bllate.org/book/14934/1323623>